

УДК 811
ББК 81.2/81.8
М20

Рецензенты

О. В. Федорова, доктор филологических наук;
Т. Б. Агранат, доктор филологических наук

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

М20 Малые языки в большой лингвистике. Выпуск 4 / ред. И. А. Хомченкова. — М. : Буки Веди, 2022. — 257 с.
ISBN 978-5-4465-3749-5

Minor languages in general linguistics. Issue 4 / Irina Khomchenkova (ed.). — Moscow : Buki Vedi, 2022. — 257 p.
ISBN 978-5-4465-3749-5

В основу сборника вошли статьи, написанные участниками четвертой конференции «Малые языки в большой лингвистике», проведенной кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 22—23 апреля 2022 года. Сборник представляет интерес для самого широкого круга лингвистов, а также для антропологов и этнографов.

УДК 811
ББК 81.2/81.8

ISBN 978-5-4465-3749-5

© Авторы, 2022

Медитативные вопросительные показатели в трех нахско-дагестанских языках

Тимур Анатольевич Майсак
Институт языкознания РАН / НИУ ВШЭ
timur.maisak@gmail.com

В статье впервые предпринимается попытка наметить интрагенетическую типологию морфологического выражения медитативных вопросов — «вопросов-размышлений», не требующих ответа (‘интересно, пришел ли?’, ‘интересно, кто пришел?’ и т. п.). Показатели медитативных вопросов рассмотрены в трех языках нахско-дагестанской семьи — агульском и рутульском лезгинской группы и андийском аваро-андийской группы. Выявлены такие параметры варьирования, как различие показателей общих и частных медитативных вопросов, морфологическая связь (производность) показателей медитативных и обычных вопросов, морфологическая связь медитативного вопроса с косвенным вопросом.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, агульский язык, рутульский язык, андийский язык, вопросительный показатель, общий вопрос, частный вопрос, медитативный вопрос, косвенный вопрос.

Markers of meditative questions in three Nakh-Daghestanian languages

Timur A. Maisak
Institute of Linguistics, RAS / HSE University
timur.maisak@gmail.com

The paper presents a first approach towards intragenetic typology of morphologically marked meditative questions, a special semantic type of questions that do not require an answer (e. g. *I wonder if he came* or *I wonder who came*). I look at the markers of meditative questions in three Nakh-Daghestanian languages: Agul and Rutul of the Lezgetic branch, and Andi of the Avar-Andic branch. I suggest several parameters of variation,

such as the distinction between polar and content markers of meditative questions, the formal relation between meditative questions markers and ordinary question markers, the formal relation between meditative questions markers and indirect question markers.

Keywords: Nakh-Daghestanian languages, Agul, Rutul, Andi, question markers, polar questions, content questions, meditative questions, indirect questions.

1. Обычные и медитативные вопросы в нахско-дагестанских языках

В нахско-дагестанских языках обычные (стандартные) общие вопросы, как правило, имеют специальное морфологическое маркирование — общевопросительный суффикс или клитика располагается на глаголе либо, в случае «подвижных» показателей, на фокусе вопроса. Напротив, частные вопросы далеко не во всех языках содержат вопросительные показатели; если же они и есть, то они чаще всего располагаются на вопросительном слове (группе). В качестве примера привативно-го соотношения см. примеры (1)—(2) из агульского языка лезгинской группы, в котором в общевопросительном предложении связка *e* выступает в вопросительной форме *ewa* (суффиксом *-wa* маркируются только глагольные формы), тогда как в частновопросительном предложении какое-либо специальное маркирование отсутствует. О маркировании вопросов в нахско-дагестанских языках см. также [Ganenkov, Maisak 2020: 129—130]¹.

Агульский язык (хпюкский диалект)

- (1)

ɕun	gazi	e-wa?
вы	согласный	СОР-Q

'Вы согласны?' (корпус текстов)

¹ Заметим, что И. А. Мельчук, обсуждая категорию вопросительности («граммемы которой указывают, является ли данное высказывание повествовательным или вопросительным»), упоминает некоторые дагестанские языки (лакский, каратинский, гинухский, рутульский, аварский) в числе тех, которые маркируют граммему интеррогатива [Мельчук 1998: 150—153].

- (2) fiš e šuw.a-n či?
 кто СОР муж-GEN сестра
 ‘А кто сестра твоего мужа?’ (корпус текстов)

Оговорюсь, что в рамках данной статьи в фокусе внимания будут находиться именно *морфологические* показатели вопроса. Существует ряд других морфосинтаксических механизмов, которые могут быть ассоциированы с вопросами (например, порядок слов, выбор видо-временной формы глагола, использование фокусной конструкции), однако от этих механизмов я в данном случае отвлекаюсь.

Помимо обычных вопросов, в языках семьи нередко получают морфологическое выражение вопросы особого типа — это не требующие ответа адресата и задаваемые говорящим как бы самому себе «вопросы-размышления» (ср. ‘интересно, пришел ли?’, ‘интересно, кто пришел?’ и т. п.); их аналогом могут служить вопросы с *интересно* в русском языке или с *I wonder* в английском. В данной работе такие вопросы и, соответственно, их показатели будут именоваться «медитативными». (Иногда в грамматических описаниях нахско-дагестанских языков они не вполне точно именуются «риторическими вопросами», однако ответ на риторический вопрос говорящему и адресату известен, тогда как ответ на медитативный вопрос говорящий не знает.) Так, в уже упоминавшемся агульском языке помимо вопросительного суффикса *-wa* имеется показатель медитативного вопроса *-han* (3).

Агульский язык (хпюкский диалект)

- (3) xaʒalat xu-naa, naj-č
 беспокойство статья.PFV-PRF какой-LAT
 šu-ne-**han** jarab, fi-št:i
 уходить.PFV-AOR-MEDIT PTCL что-ADV
 xu-ne-**han** me.
 статья.PFV-AOR-MEDIT DEM
 {Его это обеспокоило,} ‘он стал переживать: «Интересно, куда он пошел, что с ним?»’ (корпус текстов)

В семантической и типологической литературе среди разного типа «неканонических» вопросов в последние годы обсуждались некоторые разновидности, аналогичные тем, что встречаются в нахско-дагестанских языках (за неимением русских эквивалентов ниже я привожу используемые авторами термины на языке оригинала). Это *conjectural questions*, которые «скорее выражают любопытство говорящего по определенному поводу, нежели запрашивают у него ответ» [Eckardt, Beltrama 2019]; *self-addressed questions*, в которых отменяется исходное допущение о том, что ответ на вопрос должен дать именно адресат, и предполагается, что его должен дать сам говорящий или группа, состоящая из говорящего и адресата; *tentative questions*, в которых отменяется исходное допущение о том, что адресат знает ответ на вопрос; *non-intrusive questions*, в которых отменяется исходное допущение о том, что адресат должен дать ответ на вопрос: задавая вопрос, говорящий не настаивает на ответе [Farkas 2020, 2022].

На материале нахско-дагестанских языков медитативные вопросы, насколько мне известно, ранее специально не изучались. Семантически нахско-дагестанские медитативные вопросы могут соответствовать одному или нескольким из упомянутых выше типов; не исключено, что в разных языках медитативные показатели образуют различные, хотя и сходные, типы вопросов.

В рамках данной работы я остановлюсь лишь на типе маркирования медитативных вопросов в тех языках, где для них есть специальные показатели. Я рассмотрю, каков может быть состав «подпарадигмы» медитативных показателей (то есть сколько их в языке, каково их распределение), а также каково соотношение между медитативными показателями и показателями обычного вопроса (например, образуют ли они одну и ту же «парадигму», образуются ли одни от других). В заключение я предложу небольшую анкету для изучения медитативных показателей.

Материалом для настоящего пилотного исследования послужили данные трех языков — агульского и рутульского лезгинской группы и андийского аваро-андийской группы. Ин-

формация о маркировании вопросительных предложений перенята как из опубликованных описаний, так и из текстов, а также из полевых наблюдений автора.

2. Агульский язык

Образование обычных вопросов в агульском языке уже упоминалось выше: в общем вопросе глагольная форма маркируется суффиксом *-wa* (*-w*), в частном вопросе специальные суффиксы или клитики отсутствуют. В медитативных вопросах — как в общих, так и в частных, глагольная форма маркируется суффиксом *-han*, см. (3), а также два следующих примера.

Агульский язык (литературный)

- (4) jarab le гаг facana-s
PTCL этот солнце хватать-INF
xa-s-t:awa-**han**?
мочь-INF-COP.NEG-MEDIT
{Люди заметили, что солнце каждый день садится в одном и том же месте, и задумались;} ‘Интересно, сможем мы схватить это солнце?’ (Гасанова и др. 2020)
- (5) te insan fuš e-**han**?
тот человек кто COP-MEDIT
{Ирод сказал: Иоанна я обезглавил.} ‘Кто же тогда этот человек?’ (Лк. 9:9)

Таким образом, в агульском медитативные вопросы менее «различительны» — их показатель един для общих и частных вопросов (которые у обычных вопросов противопоставлены). Показатель медитативного вопроса этимологически не связан с показателем обычного вопроса; показатели медитативного вопроса и обычного вопроса исключают друг друга².

² Из последнего правила имеется следующее частичное исключение. Вопросительная форма отрицательной связки *dawa* выглядит как *du* (а не **dawa-wa*), т.е. является супплетивной. В текстах встречаются единичные примеры образования медитативной формы именно от этой связки *du*, т.е. от вопросительной формы (ср. отрицательную анали-

Можно также отметить, что иногда в медитативном вопросительном предложении присутствует частица *jarab* ‘неужели’ (арабизм, распространенный в лезгинских языках).

Если говорить о контекстах употребления медитативного вопроса в агульском, то наиболее типичные из них (по текстовым данным) таковы. Медитативный вопрос чаще всего произносится говорящим, когда он находится один, и отличного от него самого адресата просто нет; такой вопрос представляет собой мысли или внутреннюю речь говорящего. Иногда говорящие являются группой (4, 6), члены которой задают вопрос друг другу или же просто «в пространство». Встречаются ситуации, в которых медитативный вопрос задается в присутствии адресата, хотя последний и не дает ответа на вопрос говорящего. В текстах мне попался только один пример, в котором на медитативный вопрос адресат дает ответ (по всей видимости, говорящий не был уверен в том, что адресат располагает соответствующей информацией), ср. (7).

Агульский язык (хпюкский диалект)

- (6) *hara*, *alçaqu-ne* *ilsan-ar*, *fi*
 PTCL SUPER.LAT.сыпать.PFV-AOR человек-PL что
хабар e-han p.u-na
 весть COP-MEDIT говорить.PFV-CVB
 {Женщина пришла с известием о самоубийстве односельчанки.} ‘Ой, — кинулись люди, — мол, что же приключилось.’ (корпус текстов)
- (7) *ge-wur fi-št:i xu-ne-han?*
 DEM-PL что-ADV стать.PFV-AOR-MEDIT
 {Беседуют Ширин и Селми. Ширин упоминает знакомых женщин, которых давно не видела.} ‘Интересно, как они поживают?’ {Селми отвечает: Одна замужем за Султаном, а другая замужем за сыном Загидат.} (корпус текстов)

титическую форму футурума *xa-s-t.u-han* [стать-INF-COP:NEG:Q-MEDIT] ‘интересно, будет ли’, букв. «интересно, верно ли, что не будет?», в которую входит вспомогательный глагол-связка *-t.u < du*). В подавляющем большинстве случаев, однако, показатель *-han* следует непосредственно за финитной утвердительной формой индикатива и не зафиксирован непосредственно после суффикса *-wa*.

3. Рутульский язык

В литературном рутульском языке (в основу которого положен мухадский диалект, представленный, в частности, в крупном с. Рутул, райцентре Рутульского района) принцип маркирования обычных вопросов совпадает с таковым для агульского языка. А именно, в общем вопросе глагольная форма маркируется суффиксом *-ma* / *-me* (распределение зависит от вокализма словоформы), в частном вопросе специальные суффиксы или клитики отсутствуют. В медитативных вопросах маркирование различается для общего и частного типов. В общем медитативном вопросе используется суффикс *-mixⁱ* (и некоторые другие варианты: *-mix*, *-mij*)³, в частном медитативном вопросе используется суффикс *-dixⁱ*.

Рутульский язык (литературный)

- (8) za-s mi naq' ji?i-**mix** hag^wa-d?!
 я-DAT этот сон 4.COP-Q.MEDIT 4.видеть.IPFV-ATTR
 {Охотник внезапно увидел у родника в лесу красивых маралов и среди них красивую девушку и подумал:} 'Не сон ли это мне снится?!' (Свод, 4, №68)
- (9) šu:-dⁱ i-**dix** iz-di wiγil?
 какой-ATTR COP-WH.MEDIT мой-ATTR муж
 {Девушка, которой отец нашел жениха, размышляет ночью в одиночестве, ожидая его появления:} 'Какой он, мой будущий муж?' (Свод, 2, №60)

Таким образом, в литературном (мухадском) рутульском медитативный вопрос морфологически столь же различителен, как обычный — общие и частные вопросы противопоставлены, причем эквиполентно, а не привативно. В состав обоих показателей медитативного вопроса входит элемент *-ixⁱ* — эти-

³ В рутульской орфографии палатализация велярного /xⁱ/ не отображается, поэтому ниже в примерах из письменных текстов фигурирует просто /x/.

дитативные вопросы нередко включают частицу *jarab*, ср. пример из словарного входа ЯРАБ, иллюстрирующий употребление данной частицы (12).

Рутульский язык (литературный)

- (11) *ule-s-i=mix*, *jarab*, *wix-di* *duḡar-a*
 4.есть-INF-FUT=Q.MEDIT PTCL твой-ATTR сын.OBL-ERG
mí χink'ar?
 этот хинкал
 {Пришли они к падишаху, спрашивают:} 'Может, твой сын поест хинкал, который мы принесли?' {— Нет, он ничего не ест, — отвечает за него жена падишаха.} (Свод, 2, №56)
- (12) *jarab za-da: jiki-s-i=mix hadi-?*
 PTCL я-APUD.EL 4.статья-INF-FUT=Q.MEDIT там-LAT
gu?u-s?
 1.идти-INF
 'Неужели я смогу пойти, поехать туда?' (Алисултанов, Сулейманова 2019: 457)

Чтобы продемонстрировать, насколько различным может быть маркирование медитативных вопросов по диалектам, приведем данные по другой разновидности рутульского языка, а именно говору с. Кина Рутульского района (этот говор не относится к мухадскому диалекту и в литературе упоминается как «промежуточный»). Система маркирования общих вопросов в кининском говоре та же: имеется общевопросительный показатель *-ta*, а частный вопрос специальными суффиксами или клитиками не маркируется. Однако медитативные вопросы оформляются иначе, чем в мухадском рутульском: в обоих случаях задействован показатель *-jden*, который также выражает контрфактическое условие ('если бы сделал') и используется в косвенных вопросах (13)⁵.

⁵ Вместо *-jden* в кининских медитативных вопросах (как минимум общих) может выступать краткий показатель *-j*, однако в данной работе мы оставляем его описание за скобками. О вопросительных предложениях кининского рутульского см. также [Konvalova 2019].

Рутульский язык (кининский говор)

- (13) za-s hač'a-r-diš, huš
 я-DAT знать.IPFV-CVB-COP.NEG кто
 q-i(ɾ)q'i-r=a-**jden**
 RE-<1>приходить.PFV-CVB=быть-CTRF
 'Я не знаю, кто приехал.' (полевые записи)

В медитативном общем вопросе *-jden* следует за общевопросительным показателем *-ma* (14). Медитативный же частный вопрос представляет собой просто независимое использование контрафактической клаузы (или зависимой части косвенного вопроса) с глагольной формой на *-jden*, как в (15).

Рутульский язык (кининский говор)

- (14) did q-i(ɾ)q'i-r-i-**ma-jden**?
 отец RE-<1>приходить.PFV-CVB-COP-Q-MEDIT
 'Интересно, отец вернулся?' (полевые записи)
- (15) huš q-i(ɾ)q'i-r=a-**jden**?
 кто RE-<1>приходить.PFV-CVB=быть-CTRF
 'Интересно, кто приехал?' (полевые записи)

Тем самым, в системном плане медитативный вопрос в кининском различителен и морфологически противопоставляются общие и частные вопросы. Медитативный общий вопрос, как и в мухадском, тоже произведен от обычного общего вопроса и сохраняет показатель *-ma*. Медитативный частный вопрос тоже связан с косвенным частным вопросом (ср. в мухадском показатель *-di*, входящий в состав *-dix'*). Ключевым отличием является то, что в частном вопросе в кининском отсутствует какая-либо особая «медитативная форма», там глагол выступает в форме косвенного наклонения, имеющей и другие употребления. Если считать, что источником послужила конструкция с косвенным вопросом, то получится, что в кининском медитативный частный вопрос представляет собой независимое употребление зависимой части косвенного вопроса, — тогда как в мухадском медитативный вопрос на *-dix'* исходно

представляет собой полную конструкцию косвенного вопроса (зависимая часть + морфологизованный матричный предикат). Что же касается медитативного общего вопроса в кининском, то здесь суффикс косвенного наклонения *-jden* «отрывается» от контрфактической глагольной формы и присоединяется к общевопросительной форме на *-ta*.

4. Андийский язык

В андийском языке (ниже рассматриваются только верхнеандийские говоры) маркирование обычных вопросов отличается от того, что мы видели в языках лезгинской группы. Как общие, так и частные вопросы имеют свои показатели, причем это не глагольные суффиксы, а энклитики. А именно, в общем вопросе общевопросительные показатели *=le* и *=de* (и др. диалектные варианты) располагаются на фокусе вопроса, которым может быть как глагол (16), так и неглагольная составляющая (17). Частный вопрос маркируется энклитиками *=vil* и *=di* (и др. диалектными вариантами) на вопросительном слове или правой границе вопросительной группы⁶.

Андийский язык (рикванинский говор)

(16) *men* *χiɕa* *raɫ' -rado=le?*
ты книга читать-PROGR=Q
'Ты читаешь книгу?' (полевые записи)

(17) *men* *χiɕa=le* *raɫ' -rado?*
ты книга=Q читать-PROGR
'Ты читаешь книгу?' (полевые записи)

Андийский язык (собственно андийский говор)

(18) *eɕb>i=vil* *men* *zudi* *b-iʋoʃi-r ?*
что<4>=WH ты стоямя 4-стоять.CAUS-PROGR
'Что ты строишь?' (Сказки)

⁶ Выбор энклитики в парах *=le / =de* или *=vil / =di* связан с видо-временной формой глагола (аорист или не аорист, ср. (18) vs. (19)), подробнее см. [Майсак 2020].

- (19) du-j e(b)i=**di** i?
 ты-DAT что<4>=WH.AOR стать.AOR
 ‘Что с тобой случилось?’ (Сказки)

Медитативные вопросы образуются при помощи показателя, единого для общих и частных вопросов и исходно представляющего собой стяжение общевпросительного =*le* / =*de* с элементом *-qen* / *-qe* / *-q* (неясной этимологии). Принцип распределения между =*leqen* и =*deqen* таков же, как для показателей обычного вопроса, ср. (20) с предикатом в форме перфекта vs. (21) с предикатом в форме аориста. При этом в качестве медитативного показателя имеет смысл рассматривать именно цельные комплексы =*leqen* и =*deqen*, не членя их на общевпросительную клитику и суффикс *-qen*: это связано с тем, что в частных вопросах типа (22) появление общевпросительной клитики по стандартным правилам невозможно, в частных вопросах выступает свой набор клитик (см. выше).

Андийский язык (рикванинский говор)

- (20) umar w-ušo-d=**leqen**?
 Умар 1-возвращаться-PRF=MEDIT
 ‘Умар вернулся ли?’ (Сулейманов 1957: 383)
- (21) ilu-d q’ir b-oč’o-s:u=**deqen**?
 мать-ERG пшеница 3-выбирать.AOR-NEG=MEDIT.AOR
 ‘Не очищала ли мать пшеницы?’ (Сулейманов 1957: 383)

Андийский язык (собственно андийский говор)

- (22) emi=**leqe** ho!:u w-aχunni-r?
 кто=MEDIT здесь 1-жить-PROGR
 {Девочка нашла в лесу пустую избушку, вошла в не и думает:}
 ‘Кто же здесь живет?’ (Сказки)

Таким образом, в андийском показатель медитативного вопроса исторически произведен от показателя обычного общего вопроса. При этом медитативные вопросы менее различительны — их показатель един для общих и частных вопросов.

5. Обобщения о типах маркирования

Итак, рассмотрев всего лишь четыре идиома нахско-дагестанской семьи (три языка, один представлен двумя диалектами), мы видим, что системы медитативных показателей и их соотношение с обычными вопросительными показателями во всех из них оказались различными. Можно выделить следующие параметры варьирования:

1) Имеется ли специализированный показатель медитативного вопроса?

Поскольку настоящее исследование и было направлено на изучение языков со специальным маркированием медитативных вопросов, этот параметр принимает положительное значение для всех языков. Тем не менее, отметим, что в кининском говоре медитативный частный вопрос не имеет специального показателя, а выражается клаузой с контрфактической условной формой глагола. Выходя за пределы нашей мини-выборки, укажу, что имеются языки, в которых специального маркирования медитативного вопроса в принципе нет — так, в лезгинском и общий, и частный медитативный вопрос выражается независимой клаузой с условной формой глагола на *-t'a*, см. [Haspelmath 1993: 427].

2) Если специализированный показатель медитативного вопроса имеется, каков его статус (аффикс, клитика)?

В двух лезгинских языках нашей выборки медитативные показатели являются глагольными суффиксами, в андийском языке это «подвижная» клитика.

3) Производны ли медитативные показатели от показателей обычного вопроса?

Для агульского языка значение данного параметра отрицательное, для рутульского и андийского — положительное: в двух последних языках медитативные показатели образованы от общевпросительного показателя (в мухадском рутульском, кроме того, суффикс медитативного частного вопроса произведен от суффикса косвенного частного вопроса).

4) Различается ли маркирование общих и частных медитативных вопросов?

В двух языках (агульском и андийском) не различается, в обоих разновидностях рутульского — различается.

5) Имеется ли морфологическая связь медитативного вопроса с косвенным вопросом?

В агульском и андийском такой связи нет, в рутульском же она налицо, хотя и проявляется по-разному в двух диалектах. В мухадском глагольная форма, используемая в медитативных вопросах, образуются в результате морфологизации конструкции косвенного вопроса (зависимой формы глагола и матричного глагола ‘говорить’ в императиве), см. подробнее о данном сценарии [Майсак 2022]. В кининском медитативный общий вопрос образуется при помощи показателя контрфактивности / косвенного вопроса (от общевпросительной формы), а медитативный частный вопрос представляет собой независимое употребление клаузы контрфактического условия / зависимой части косвенного вопроса.

В качестве дополнительного параметра можно указать на наличие частицы, распространенной, хотя и не обязательной, в медитативных вопросах. В наших данных такая частица есть в лезгинских языках (агульском и рутульском; то же верно для собственно лезгинского, см. [Haspelmath 1993: 429]). В андийском подобных частиц не отмечено.

6. Заключение

По моим предварительным наблюдениям, специальное маркирование медитативных вопросов представлено в значительном числе, если не в большинстве, нахско-дагестанских языков. Способ выражения медитативного вопроса может и не оговариваться в грамматическом описании — как по причине того, что для такого типа вопроса отсутствует специальное маркирование, так и по причине того, что такой тип вопроса специально не изучался и не попался в имеющихся текстах.

Я призываю всех исследователей языков нахско-дагестанской семьи обращать внимание на данный семантический тип вопросов и способы его кодирования. При этом, как мы увидели выше на примере всего лишь трех языков семьи, даже в области маркирования медитативного вопроса существует значительная вариативность. Мини-анкета по изучению типа маркирования должна включать как минимум перечисленные ниже вопросы — а изучение других языков семьи, несомненно, внесет дополнения в этот список.

- Имеется ли специализированный показатель медитативного вопроса?
- Если да, каков его статус (аффикс, клитика)?
- Производны ли медитативные показатели от показателей обычного вопроса (общего, частного)?
- Различается ли маркирование общих и частных медитативных вопросов (т. е. используются ли в них разные показатели или один и тот же)?
- Имеется ли морфологическая связь медитативного вопроса с косвенным вопросом? (В частности, произведен ли показатель медитативного вопроса от показателя косвенного вопроса?)
- Характерно ли для медитативных вопросов появление модальных частиц (не являющихся собственно показателями данного типа вопроса)?

В будущем, вероятно, может быть разработана и анкета для выявления семантических особенностей медитативных вопросов (и смежных с ними «неканонических» типов вопросов), поскольку и здесь нет оснований не ожидать варьирования в том числе и среди родственных языков.

Список условных сокращений

1–4 — род (именной класс); ADV — наречие; AOR — аорист; APUD — локализация ‘рядом’; ATTR — атрибутивизатор; CAUS — каузатив; COP — связь; CTRF — контрфактическое условие; CVB — деепричастие; DAT — датив;

DEM — демонстратив; EL — элатив; ERG — эргатив; FUT — футурум; GEN — генитив; IMP — императив; INDIR — косвенный вопрос; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; LAT — латив; MEDIT — медитативный вопрос; NEG — отрицание; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRF — перфект; PROGR — прогрессив; PTCL — частица; Q — общий вопрос; RE — рефактив; SUPER — локализация ‘наверху’; WH — частный вопрос.

Литература

- Алисултанов, Сулейманова 2019 — Алисултанов А. С., Сулейманова Т. А. *Рутульско-русский словарь*. Махачкала: АЛЕФ, 2019.
- Гасанова и др. 2020 — Гасанова С. Н., Алхасов Г. А., Бицимазаева Л. М. *Агъуларин хикатар. Агульские сказки*. Махачкала: АЛЕФ, 2020.
- Майсак 2020 — Майсак Т. А. Выбор клитики в зависимости от видо-временной формы предиката: данные андийского языка // *Типология морфосинтаксических параметров*. 2020. Т. 3. № 1. С. 77—94.
- Майсак 2022 — Майсак Т. А. Показатели медитативных вопросов в рутульском языке: морфологическая структура и происхождение // Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М., Сай С. С. (ред.), *Opuscula linguistica Magistro sapientissimo dedicata. Сборник статей к 90-летию Виктора Самуиловича Храковского*. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 134—142.
- Махмудова 2001 — Махмудова С. М. *Морфология рутульского языка*. М.: ИЯз РАН, 2001.
- Мельчук 1998 — Мельчук И. А. *Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: морфологические значения*. М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1998.
- Сулейманов 1957 — Сулейманов Я. Г. Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз АН СССР, 1957.
- Eckardt, Beltrama 2019 — Eckardt R., Beltrama A. Evidentials and Questions // Christopher Pinon (ed.), *Empirical Issues in Syntax and Semantics 12*. Paris: CSSP, 2019. P. 121—155. <http://www.cssp.cnrs.fr/eiss12/>
- Farkas 2020 — Farkas D. F. *Canonical and non-canonical questions*. 2020. URL: <https://semanticsarchive.net/Archive/WU2ZjIwM/questions.pdf>
- Farkas 2022 — Farkas D. F. Non-intrusive questions as a special type of non-canonical questions // *Journal of Semantics*. 2022. Vol. 39 (2). P. 295—337. URL: <https://doi.org/10.1093/jos/ffac001>
- Ganenkov, Maisal 2020 — Ganenkov D., Maisak T. Nakh-Daghestanian languages: a family survey // Maria Polinsky (ed.), *The Oxford handbook of languages of the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 87—145.
- Konovalova 2019 — Konovalova A. *Questions in Kina Rutul*. NRU HSE. Series WP BRP “Linguistics”, 84/LNG/2019. 2019. <https://wp.hse.ru/data/2019/12/06/1520810040/84LNG2019.pdf>

Haspelmath 1993 — Haspelmath M. *A grammar of Lezgian*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1993.

Источники

Сказки — *Дуняялла бахунниресси халгъгыллЮл гъгъванаб мицццИллассол мухал* (Сказки народов мира на андийском языке) / Отв. ред. П. А. Магомедова, пер. М. А. Алисултановой. Махачкала: ИД «Нуруль иршад», 2010.

Лк. — *Инджил. Лукайин Китаб. Месигъ Исайихъас Идже Хабар*. (Евангелие от Луки на агульском языке). М.: Институт перевода Библии, 2005.

Свод — *Свод памятников фольклора народов Дагестана*. В 20 тт. Т. 1—4. М.: Наука, 2011—2013.